

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРЬЕР

ПАРТИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ВЫБОР РОССИИ
ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК № 5

Июль 1995 года

Телефон/факс 209-56-71

ЛЮДИ И ДЕНЬГИ

Макроэкономическая ситуация: что стоит за стабилизацией курса рубля?

Основной проблемой экономических дискуссий последнего времени являются стабилизация рубля и падение курса доллара на российском валютном рынке. Наше общество изменилось за последние пять лет все-таки радикальным образом. Макроэкономические проблемы, и особенно вопросы валютного курса, перестали быть сюжетом, интересным лишь для узкой группы политиков и профессиональных экономистов. Круг интересующихся постоянно расширяется: сперва этими дискуссиями увлеклись бизнесмены, затем — журналисты, просто интеллигентные люди. И наконец, все. (Недавно, во время выступления на радио, автору этих строк был задан вопрос о том, в какой валюте — в долларах или в рублях — лучше хранить “гробовые” деньги.)

Дело, конечно, не в праздном любопытстве россиян. Проблема валютного курса, а значит, и общие проблемы макроэкономической стабилизации становятся все более важной темой для обсуждений среди самых широких слоев нашего общества, потому что оно по своим основным характеристикам действительно становится рыночным. Иными словами, оно поступательно движется в направлении, избранном в конце 1991 года, несмотря на все трудности и противоречия этого движения. Живой же интерес “простых людей” к этим проблемам позволяет сделать два очень важных, взаимосвязанных между собой вывода относительно характера и перспектив развития рыночных реформ в России.

Во-первых, у населения имеются реальные накопления, которые они хотят сберечь от обесценения. Это реальные внутренние накопления, и при благоприятной макроэкономической ситуации, при наличии адекватных финансовых

институтов (которые, кстати, быстро формируются) эти накопления могут быть быстро трансформированы в производственные инвестиции.

Во-вторых, формируется тот самый пресловутый средний класс, являющийся гарантом устойчивого функционирования рыночной экономики, о котором у нас так много писалось на протяжении последнего десятилетия. Ведь именно средний класс, составляя большинство населения, является важнейшим субъектом процесса накопления, и именно его средства становятся решающим фактором экономического роста в рыночной экономике.

Как же на этом фоне выглядит современная макроэкономическая ситуация, и прежде всего ситуация с валютным курсом? Какие из этого следуют выводы и прогнозы?

I. ПРИЧИНЫ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ

Итак, на протяжении вот уже нескольких недель происходит снижение курса доллара, формируемого на Межбанковской валютной бирже. Такая ситуация вызвала растерянность и непонимание со стороны многих экономистов, не говоря уже о простых россиянах, привыкших хранить свои сбережения в иностранной валюте (как правило, в долларах). Экономисты, связанные с исполнительной властью, говорят о торжестве правительственного курса. Оппозиция твердит о временности и вредности этого явления, грозит неминуемыми катаклизмами в ближайшее время или уж точно осенью.

На самом деле ситуация на валютном рынке была вполне прогнозируема уже в конце марта — начале апреля, когда выяснилось, что Центробанк и правительство проводят жесткий макроэкономический курс, не допуская покрытия

дефицита государственного бюджета не обеспеченными ничем деньгами.

Фундаментальные экономические законы действуют в обе стороны. И если увеличение массы необеспеченных денег ведет к падению курса рубля, а затем и к ускорению инфляции (с соответствующим интервалом), то сокращение "производства денег" имеет обратный эффект — сперва стабилизируется валютный курс, а потом, при прочих равных условиях, замедляется и инфляция. Правда, остается одна неизвестная — временной лаг между началом ответственной макроэкономической политики и позитивными сдвигами в экономике. Этот лаг подвижен, зависит от многих факторов и неодинаков по отношению к динамике валютного курса и динамике цен. Последнее и вызывает многие вопросы и недоразумения — и относительно роста цен в настоящее время, и относительно снижения цен летом 1994 года при обвальном росте денежной массы на протяжении летних месяцев.

Происходящее не является чем-то принципиально новым для России последних лет. Нечто подобное имело место и в феврале—марте 1992 года — вскоре после либерализации цен, когда жесткая финансовая политика Е.Гайдара привела к почти двукратному снижению рыночного курса доллара по сравнению с декабрем 1991 года, а инфляция обнаружила первые признаки к снижению. Причем тогда это был рыночный курс рубля в полном смысле слова — в отличие от современной ситуации, когда результаты торгов на ММВБ практически полностью контролируются Центральным банком.

Итак, причины нынешней ситуации на валютном рынке имеют, как нам представляется, вполне рыночную природу, а потому, в общем, прогнозируемы. Среди соответствующих причин назовем по крайней мере три:

— жесткая финансовая политика, не допускающая покрытия бюджетного дефицита заимствованиями правительства в Центробанке;

— увеличение норм резервирования для коммерческих банков. Это могло подтолкнуть крупные банки к расширению активных операций за счет сброса части валюты, не увеличивая процентную ставку. (Это гипотеза, но если она в дальнейшем подтвердится, то это будет означать, что произошло реальное расслоение банков и поведение наиболее крупных, перспективных существенно изменилось — благодаря значительно возросшим операциям они стали ориентироваться на увеличение массы прибыли, а не ее нормы.);

— и наконец, опрошенные действия самого руководства Центробанка на валютной бирже (а ММВБ в настоящее время полностью контролируется им), которые как бы подтолкнули ситуацию, в известном смысле — спровоцировали начало понижательной тенденции курса доллара.

Имея эту информацию, соответствующие прогнозы были сделаны рядом экономистов и преданы гласности уже в конце первого квартала. Например, в Институте экономических проблем переходного периода в конце марта была даже проведена на эту тему пресс-конференция. Однако большинство экономических агентов, не говоря уже о населении, в такие прогнозы не верило, имея сильные воспоминания о "черном вторник" 11 октября 1994 года и о высоких показателях зимней инфляции. Недоверию способствовали и действия властей в апреле, когда вместо обозначения плавной тенденции на стабилизацию курса Центробанк допускал постоянные его колебания, что дезориентировало экономических агентов.

II. ДОСТОИНСТВА И НЕДОСТАТКИ СЛОЖИВШЕЙСЯ СИТУАЦИИ

В настоящее время довольно активно обсуждается вопрос об оценке ситуации "стоящего" или даже растущего курса рубля. Как и все в экономике, это явление имеет неоднозначный характер. Причем если положительные стороны его более или менее очевидны и действуют как бы сами собой, то отрицательные последствия и их нейтрализация в полной мере зависят от деятельности правительства.

Положительными чертами подобной ситуации являются прежде всего следующие:

Во-первых, стабилизация и укрепление курса рубля означают на практике приток капитала в страну. На протяжении нескольких лет Россия страдала от бегства капитала. Но бегство капитала — это не просто уворовывание денег или даже честное размещение их на счетах в иностранных банках. Бегство капитала наиболее наглядно выражается в долларизации отечественной экономики, в притоке в страну миллиардов и миллиардов наличных долларов (которые возили сюда буквально самолетами). А ведь это — не что иное, как кредитование американского правительства, которое может печатать деньги, не опасаясь инфляционных последствий для национальной экономики США. Теперь же капитал приобретает рублевую форму и, значит, оседает в России.

Во-вторых, дедолларизация и приток капитала означают формирование избытка денег, получаемого неинфляционным путем. Тем самым создаются предпосылки для удешевления кредита, снижения эффективности чисто спекулятивных операций в финансовом секторе и усиления внимания финансовых институтов к инвестированию в производственные отрасли. Если подобная ситуация продлится достаточно продолжительный период времени, можно прогнозировать переориентацию финансовой активности банков в направлении производства, усиление роли инвестиционных компаний в отечественной экономике.

В-третьих, вполне прогнозируем рост фондового рынка, выход его из депрессивного состояния, в которое он попал осенью 1994 года. Это предполагает усиление притока иностранного капитала, и прежде всего портфельных инвестиций. Правда, последнее имеет очень сильное внеэкономическое ограничение, связанное с перспективами парламентских и особенно президентских выборов в России.

В-четвертых, снижение курса доллара и связанное с этим удешевление импорта (Помимо ряда негативных моментов, о которых мы скажем ниже) могут весьма благотворно повлиять на состояние отечественной промышленности. Дело в том, что многие отрасли у нас находятся в сильной зависимости от поставок иностранных товаров производственного назначения (машиностроения, химического и иного сырья) и удешевление импорта будет благоприятным фактором их возможного роста.

В то же время современное развитие макроэкономической ситуации ставит перед страной и ряд непростых проблем, решение которых прежде всего зависит от деятельности исполнительной власти.

Во-первых, рост курса рубля повышает эффективность импортных операций и снижает конкурентоспособность отечественных производителей. Разумеется, для регулирования подобных проблем существует мощный рычаг в виде импортных пошлин. Но им надо уметь очень аккуратно пользоваться, ориентируясь при введении пошлин не столько на проблемы фискальные (поступление доходов в бюджет), сколько на решение задачи поддержания конкурентной среды на отечественном рынке. То есть надо найти тот оптимальный баланс, когда импортные пошлины не являются запретительными для импорта (как важнейшего источника конкурен-

ции и сдерживания цен в высокомонополизированной отечественной экономике) и одновременно стимулируют развитие внутреннего производства.

Во-вторых, ухудшается положение экспортеров, их конкурентоспособность на внешнем рынке. Впрочем, эта проблема решается снижением экспортных пошлин, что само по себе является фактором скорее положительным, способствующим либерализации внешней торговли и повышению ее эффективности.

В-третьих, возможно ожидать ухудшения ситуации с платежным балансом страны, поскольку привлекательность импорта (и особенно импорта производственного назначения) может существенным образом сказаться на росте последнего.

В-пятых, импорт продукции производственного назначения может поставить в исключительно сложное положение те предприятия отечественного машиностроения (и прежде всего конверсионные), которые уже встали на путь адаптации к реальному рыночному спросу, нащупали свою "нишу" в новой экономике и находятся сейчас в процессе перестройки своей производственной базы с целью удовлетворения потенциального инвестиционного спроса со стороны сырьевых и перерабатывающих отраслей. Приток относительно дешевой иностранной техники будет для них тяжелым ударом. Но и отка от оборудования потребителей машиностроительной продукции высококлассной иностранной техникой тоже вряд ли разумен. То есть здесь требуется проведение очень осторожной сбалансированной политики федеральных властей.

III. ВАЛЮТНЫЙ КУРС, ПРОБЛЕМЫ ИНФЛЯЦИИ И ОПАСНОСТИ, ПОДСТЕРЕГАЮЩИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Говоря о проблемах и возможных потерях связанных со стабилизацией и ростом курса рубля, нельзя обойти молчанием еще один аргумент. Нередко можно слышать, что происходящий в результате рублевых интервенций Центробанк быстрый рост денежной массы может стать фактором ускорения роста цен и очередного "черного вторник", последствия которого могут быть даже хуже, чем в 1994 году.

Действительно, рублевая денежная масса: последнее время растет достаточно быстрыми темпами. Однако само по себе это не является инфляционным фактором "в чистом виде". В текущем году она растет не за счет впрыскивания

денег в экономику, а за счет замены одной валюты на другую (долларов на рубли), что имеет гораздо менее однозначные последствия, чем, скажем, рост бюджетного дефицита.

Появится ли рост денежной массы последних месяцев на макроэкономическую стабильность? Вызовет ли очередной скачок цен? Приведет ли к очередному коллапсу рубля? На подобные вопросы нет однозначного теоретического ответа.

С одной стороны, рост чистых внутренних активов за последние несколько месяцев исключительно мал, а именно этот показатель является важнейшим для подталкивания инфляции и последующего обвала курса рубля. Можно предположить, что, продавая доллары, агенты рынка меняют форму своих сбережений, переходя от американской валюты к российской. Это вполне вероятный процесс, означающий монетаризацию ВВП, то есть увеличение в последнем денежной составляющей. Она в России в настоящее время действительно мала — примерно 10%, тогда как в Польше уже около 25%, в Венгрии свыше 50%, а в Чехии уже около 80%.

С другой стороны, скорость обращения рублей значительно выше, чем долларов, и увеличение денежной массы так или иначе является источником того, что инфляция в настоящее время у нас выше прогнозированной правительством. (Это касается любой национальной валюты. Недаром, например, несмотря на то, что падение доллара по отношению к йене ухудшило конкурентоспособность японской экономики, японское правительство не пошло по пути поддержания доллара ценой масштабных интервенций на токийской бирже, опасаясь выпустить из-под контроля инфляцию.) Чтобы избежать ухудшения ситуации в России, ее Центральный банк ограничивает свои рублевые интервенции, но это ведет к дальнейшему снижению курса доллара, к дальнейшему ухудшению положения отечественных экспортеров, к повышению конкурентоспособности иностранных товаров на российском рынке.

Более того, по различным оценкам, продажа валюты в настоящее время в основном осуществляется предприятиями и организациями (прежде всего экспортерами), тогда как основная масса населения пока не спешит переводить доллары в рубли. Если же эта ситуация радикально изменится и люди начнут освобождаться от долларов, то можно прогнозировать резкую дестабилизацию валютного рынка и затем рост

инфляции, особенно на потребительском рынке. Со временем это приведет к очередному падению курса рубля.

Все это возможно, но не фатально. Правительство имеет в своих руках достаточно мощные рычаги управления ситуацией. Однако, будучи на самом деле мощными, они могут как предотвратить нежелательное развитие событий, так и обострить кризис. Весь вопрос в том, сумеет ли правительство разумно и осторожно применить эти рычаги.

Главная задача — задействовать надежные финансовые институты, в которых было бы привлекательно сберегать (накапливать) рубли. Это могут быть банки (и прежде всего Сбербанк), ценные бумаги (и прежде всего государственные), а также другие инструменты. Сейчас выбор небольшой, да и привлекательность того, что есть, невысока. После финансовых скандалов 1994 года доверие к частным институтам (банкам, акциям частных фирм) остается сильно подорванным. Государственные же инструменты не являются в настоящее время особенно привлекательными — и государственные казначейские обязательства, и процентная ставка Сбербанка оказались в сфере отрицательной доходности (то есть дают доход ниже темпов инфляции), хотя на данный момент сбережения в них выгоднее, чем в долларах. Причем финансовое положение Сбербанка сейчас таково, что он не может повысить доходность по срочным депозитам. Доходность же гособлигаций хотя и упала до беспрецедентно низкого уровня (79 процентов годовых), но продолжает оставаться на уровне выше средней процентной ставки МБК.

Подчеркнем, что все это относится как к деньгам населения, так и к активам экономических агентов (юридических лиц, как их принято у нас называть). Но проблема сбережений населения может в ближайшее время оказаться особенно острой. Важно предотвратить бегство от доллара и сформировать выгодный и понятный для людей способ сохранения имеющихся у них денежных средств (и прежде всего долларов) от обесценения. Вполне разумными представляются предложения Министерства экономики об организации государственного внутреннего валютного займа (по которому выплачивались бы реальные проценты). Ряд аналогичных решений необходим и для «связывания» денег предприятий.

Вряд ли стоит также особо объяснять, что для решения всех этих проблем необходимыми

условиями являются обеспечение общей политической стабильности, а также (и в особенности) стабильность отношений собственности и тенденции ее трансформации. Политические игры с отставкой правительства в этой ситуации особенно неуместны, они способны стать детонатором взрыва, разрушающего наметившуюся в стране хрупкую тенденцию к стабилизации и экономическому росту.

Другим важнейшим фактором является проведение правительством устойчивой, предсказуемой денежной политики. Если рассуждать с точки зрения чисто денежной (а не макроэкономической в полном смысле этого слова), то для удержания ситуации под контролем правительство и Центробанк могут проводить практически любую политику — стабильного соотношения рубля к доллару, понижения курса рубля по мере инфляции и даже повышения курса рубля (хотя это нецелесообразно по ряду соображений). Но главное, что оно не должно делать, — так это допускать сильных колебаний курса, частых пересмотров принятых решений относительно своей денежной политики. Тем более, что валютные ресурсы Центробанка вполне это позволяют. Главное сейчас — предсказуемость денежной политики. Это важно всегда, но в настоящее время важность этого правила многократно возрастает.

Вместе с тем существует ряд опасностей, подстерегающих политику исполнительной власти.

Прежде всего, вполне вероятны попытки дестабилизации ситуации со стороны радикальной оппозиции националистического и коммунистического толка. Стабилизация и выход на траекторию роста крайне опасны для них, так как подрывают их возможности прихода к власти легальным путем. Кроме того, опыт ряда стран свидетельствует, что срыв в самый жестокий экономический и политический кризис происходит нередко именно тогда, когда основные экономические проблемы кажутся уже решенными или почти решенными. Бдительность реформаторов в этот момент как бы ослабевает. Самый последний пример тому — Югославия, в которой накануне ее распада и начала войны прошла успешная экономическая реформа, проведенная премьером Марковичем и разрешившая многие проблемы, которые накапливались в югославской экономике на протяжении предшествующего социалистического развития.

В настоящее время мы подошли в этом от-

ношении к достаточно опасной черте. Усилия левых и националистических сил в Государственной Думе по подрыву позиций правительства резко активизируются. Это неизбежно скажется на ситуации на валютном рынке, а затем и во всей экономике. Поэтому в настоящее время президент должен предпринять максимальные усилия для недопущения дестабилизации правительства, для нейтрализации негативных последствий и даже самих слухов об его отставке. Сказанное относится и к позиции средств массовой информации демократической ориентации.

Среди других проблем, способных дестабилизировать экономическую ситуацию в предстоящие месяцы, надо выделить предвыборную кампанию и активное участие в ней В.Черномырдина. Правительство, идущее на выборы, особенно чувствительно к лоббизму. Поддержка региональных властей и тем более крупных коммерческих структур не гарантируется формирующейся “партии власти” (“Наш дом Россия”) автоматически, но в немалой степени зависит от того, в какой мере руководство НДР (и, следовательно, сам премьер) будет удовлетворять финансовые аппетиты своих партнеров, снабжать их главным, чего они хотят, — дешевыми деньгами.

Правда, здесь есть и два обнадеживающих момента. Во-первых, экономический (реформаторский) блок правительства как бы демонстративно самоустранился от предвыборных игр, что особенно отчетливо проявилось в заявлении А.Чубайса о приостановлении своего участия во всех общественно-политических организациях в целях сосредоточиться на решении задач экономической реформы и меньше зависеть от политической конъюнктуры. Во-вторых, наиболее опасные лоббисты (а таковыми, как показывает опыт 1992—1994 годов, являются аграрии и часть промышленников) оказались в положении политической оппозиции премьеру, несмотря на непосредственное участие представителей, например, Аграрной партии в правительстве. Это же можно сказать о значительной части предприятий военно-промышленного комплекса, давно переставших видеть в В.Черномырдине “своего парня-директора” и ориентирующихся на совершенно иные политические силы (подчеркнем, что речь здесь идет лишь о части ВПК, и в основном о неэффективных предприятиях, которым нет места в стабильной рыночной экономике). Тем самым поддержка подобного рода лоббистов означала бы для премьера поддержку

собственных же противников в предвыборной гонке и предоставление последним возможности демонстрировать свою силу ("Мы надавили, и премьер сломался").

Далее, судя по ряду прогнозных разработок, крайне тяжелым для правительства могут оказаться август и октябрь месяцы. Здесь свойственная нашей экономике сезонность в выплате денежных средств может наложиться на вероятные сложности с поступлением доходов от государственных ценных бумаг. Долг будет сложно обслуживать, и потребуются немало изобретательности и политического мужества, чтобы не пойти вновь по пути инфляционного финансирования расходов государственного бюджета. А это было бы тем более опасно, что подобные вливания острее всего могут сказаться именно в период выборов в Государственную Думу.

Словом, ситуация сейчас такова, что нельзя говорить о фатальной предопределенности того или иного варианта развития событий. Все или почти все зависит от действий правительства и общей политической ситуации в стране.

IV. ОБЩИЕ ВЫВОДЫ, ПРОГНОЗЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

Если не произойдет каких-то острых политических катаклизмов, радикально меняющих правительство и его линию в экономической политике, можно ожидать сохранения сложившейся тенденции на стабилизацию курса рубля. (Об этом свидетельствует, например, ситуация на фьючерсном рынке, где произошло существенное сближение котировок по контрактам июнь—август.)

Возможно еще некое его укрепление. С одной стороны, соглашение с МВФ не дает Центробанку возможности бесконтрольно увеличивать денежную массу пусть даже и путем формирования мощных валютных резервов, что в течение еще некоторого времени может способствовать повышательной тенденции рубля. Однако, с другой стороны, голосование за отставку правительства будет фактором, оказывающим противоположное давление на рубль.

Если же политический кризис, связанный с вероятной отставкой правительства будет преодолен без особых потрясений, в дальнейшем же, к середине лета, можно ожидать того, что курс рубля будет плавно понижаться, примерно соответствуя темпу роста цен (динамике инфляции). С учетом временных лагов, составляющих в современной экономике России примерно 5—6 месяцев, нынешняя макроэкономическая ситуация будет вполне вероятно по крайней мере до осени 1995 года.

В такой ситуации (неустойчивая политическая обстановка и заложенные основы более или менее стабильного макроэкономического курса) наиболее естественным является диверсификация своих финансовых ресурсов, распределение их между рублевыми (в банках и ГКО) и валютными накоплениями. Последнее позволит ослабить политические риски, которые, к сожалению, остаются пока достаточно существенным фактором российской действительности.

ПОЧЕМУ ДОРОЖАЕТ РЫНОК

К вопросу о влиянии введения НДС и повышения импортных тарифов на продовольственные товары на розничные цены в России

ЕВГЕНИЯ СЕРОВА, доктор экономических наук

Либерализация экономики, и в том числе внешнеэкономической деятельности, привела к тому, что продовольственный и сельскохозяйственный импорт стал рассматриваться отечественными производителями как фактор конкуренции на внутреннем рынке. Это породило невиданный до 1993—1994 гг. феномен аграрного лоббирования введения ввозных барьеров. С другой стороны, руководство основных мегаполисов страны выступило как представитель интересов потребителей против любых ограничений на импорт. Казалось бы, ситуация развивается по классическим теоретическим канонам и реальный уровень торгового протекционизма будет далее зависеть от баланса сил между представителями аграрного лобби и лобби потребителей. Однако при ближайшем рассмотрении видна специфика положения с импортом продовольствия в настоящее время в России.

Прежде всего попробуем оценить, насколько значительно выросла доля импортного продовольствия в общем объеме внутреннего потребления. Это нетривиальная статистическая задача, так как, во-первых, оценить ввоз в РСФСР в рамках СССР достаточно сложно из-за особенностей учета внутри единого государства (попытки таких оценок делаются, но они представляются не вполне надежными по своим результатам). Во-вторых, достоверная внешнеторговая статистика по Российской Федерации после начала реформ начала поступать только с 1994 г., когда сбором и обработкой этой информации стал заниматься Таможенный комитет. Поэтому трудно сравнивать данные для России дореформенного периода и сегодня из-за их неполной сопоставимости. Тем не менее некоторые приблизительные оценки можно сделать.

Как видно из таблицы 1, больше всего выросла доля импортного мяса и мясопродуктов в потреблении россиян. Однако при этом нужно обратить внимание на то, что произошло замещение зер-

нового импорта мясным. А это в сложившихся производственных условиях в стране давно искомым результат. Выход продуктов животноводства с единицы кормов (так называемая конвертация кормов) в СССР всегда был в 1,5—2 раза меньше, чем в развитых странах мира. В России сегодня этот показатель еще более упал. При этих обстоятельствах рациональнее ввозить уже мясо и мясопродукты, чем закупать зерно и с меньшей эффективностью пропускать его через животных внутри страны. Это стало сразу же очевидным при первых же признаках либерализации внешней торговли. Таким образом, рост относительных показателей импорта мяса компенсируется резким сокращением импорта зерна,

Таблица 1

Объем импорта основных видов продовольствия в расчете на душу населения и доля импорта в среднегодовом потреблении на душу населения

	1990 СССР	1992 РФ	1994 РФ
Импорт в расчете на душу, кг			
зерно	111	194	24,7
мясо	3,9	2,2	7,6
молоко сухое	—	0,3	0,3
сахар-сырец	13,5	14,4	14,7
масло животное	1,0	0,2	1,0
масло растительное (подсолнечное и соевое)	2,0	2,7	0,8*
Доля импорта в среднегодовом потреблении на душу, %			
мясо	5,2	3,7	12,9
молоко сухое	—	0,3	0,3
масло животное	16,4	3,4	
масло растительное (подсолнечное и соевое)	19,6	40,3	13,8*

Рассчитано по: Народное хозяйство СССР в 1990 г.: Госкомстат, 1991; Российская Федерация в 1992 г. М.: Госкомстат, 1993; Таможенная статистика внешней торговли РФ. М.: ГТК, 1995

* — подсолнечное, соевое и оливковое

Таблица 2

Розничные цены на говядину

		Средние по РФ	Москва	С.-Петербург	Орел	Тверь	Калуга	Псков
1994	I	2315	2329	2126	1718	2100	2026	2143
	II	2521	2682	2230	2110	2537	2140	2630
	III	2610	2807	2529	2110	2681	2384	2630
	IV	2681	2911	2785	2121	2809	2487	2679
	V	2901	3132	2974	2321	2979	2527	2947
	VI	3070	3409	3094	2419	3260	2630	3099
	VII	3149	3556	3160	2385	3558	2601	3128
	VIII	3253	3682	3206	2320	3730	2727	3128
	IX	3459	3876	3432	2656	3818	2902	3347
	X	3840	4558	4027	2863	4019	3201	3593
	XI	4382	5083	5351				
	XII	5144	6007	6276				
1995	I	6495	7797	6970				
	II	7668	10418	9179				
	III	8595	10997	10561				
	IV	9395	11285	10937				
	15.05		11785	11215	8932	11644	10358	10019
	5.06		12462	11495	9161	12046	11160	10910

Источник: Госкомстат РФ

особенно фуражного. Поэтому можно утверждать, что массового вытеснения с внутреннего рынка отечественного производителя импортными не происходит.

Более того, обследования лаборатории аграрной политики ИЭППП в ряде территорий Европейской части России в июне—сентябре 1994 г. и декабре—январе 1994—1995 гг. показали, что если летом прошлого года импортное продовольствие в областных центрах практически не конкурировало с соответствующими отечественными продуктами, то после “масляного” кризиса прошедшей осени магазины заполнились импортными молочными продуктами. Интервью с руководителями молочных перерабатывающих предприятий также показали, что они ощутили конкуренцию импортной продукции только в

конце 1994 г. Это свидетельствует о том, что в среднем по стране импорт не вытесняет отечественное продовольствие, а замещает возникающие структурные дефициты.

Другое дело, территориальная структура импорта. Если в среднем по стране доля импортного мяса в среднелюдовом потреблении составляет около 13 процентов, то, по некоторым экспертным оценкам, в Москве этот показатель приближается к 70 процентам. Порядок цифр будет примерно таким же и для других крупнейших промышленных центров страны. По оценкам тех же экспертов, и в дореформенное время Москва на 2/3 зависела от ввоза продовольствия из-за рубежа и других союзных республик. Но в советское время это происходило в условиях дефицита продовольствия, когда отечественные

Таблица 3

Розничные цены на картофель
на рынках

	1994	
	22.11	22.12
Москва	1167	1583
Брянск	500	600
Владимир	700	700
Иваново	650	1000
Калуга	400	800
Кострома	600	900
Орел	400	600
Рязань	500	700
Смоленск	400	450
Тверь	600	700
Тула	600	900
Ярославль	530	622

Источник: Госкомстат РФ

производители не могли обеспечить удовлетворение искусственно взвинченного субсидиями продовольственного спроса населения. Сегодня, при значительном спаде покупательной способности населения, импортное снабжение Москвы происходит на фоне абсолютного перепроизводства в отечественном продовольственном секторе, когда российское сельское хозяйство и пищевая промышленность сталкиваются с проблемой сбыта.

В этих условиях стоит особо разобраться с причинами высокого удельного веса импорта в потребительском балансе крупнейших городов. Наиболее остро эта проблема складывается в Москве, поэтому остановимся на ее примере.

Очевидно, что высокая зависимость от импорта отдельно взятого региона может сложиться в двух случаях — из-за нехватки отечественного продукта и из-за монопольного блокирования рынка импортными. Московские власти настаивают на первом. На наш взгляд, для Москвы сегодня свойственна именно вторая ситуация. Попробуем это доказать чисто экономическими показателями.

Первый признак монополизированного локального рынка — разница в ценах с прилегающими рынками, причем разница, не объясняемая с точки зрения транспортных и других транзакционных затрат.

В таблицах 2—3 мы приводим официальные данные Госкомстата по розничным ценам на некоторые продовольственные товары в Москве, Санкт-Петербурге, в некоторых прилегающих к этим городам областях — традиционных поставщиках на их рынки продовольствия и в среднем по России в течение 1994 г. и в 1995 г. Нетрудно видеть, что разница в ценах разительная, особенно по ценам городского рынка, где отсутствуют какие-либо регулирующие меры и монопольные явления проявляются особенно отчетливо. По рыночным ценам разница между Москвой и соседними областями достигает 2,5—3 раз. Такой ценовой разрыв ни в коей мере не может быть объясним транспортными издержками. Если смоленский крестьянин в своем областном центре продавал в конце декабря картофель по 450 рублей, а в Москве он уже стоил более 1,5 тыс. рублей, то это говорит только о том, что для этого крестьянина московский рынок по той или иной причине был недоступен. Можно предположить, что областные руководители запрещают вывоз сельскохозяйственной и продовольственной продукции со своих территорий. Это будет недалеко от истины, но, во-первых, такая практика существует далеко не во всех областях, во-вторых, она распространяется в основном на зерно, мясо, но не картофель, в-третьих, вводятся такие ограничения, как правило, в период закупки в региональные фонды, круглогодично они не выдерживаются.

Известен также факт, что перерабатывающие предприятия Москвы предпочитают работать на импортном сельскохозяйственном сырье. Таблицы 4 и 5 показывают разницу между закупочными ценами на некоторое сельскохозяйственное сырье внутри страны и в Московской области и средние контрактные цены по их импорту за 1994 г. Разница в ценах столь велика, что не имеет смысла даже пересчитывать их в единую валюту.

Причина предпочтения импортного сырья достаточно понятна. Качество сырья, объемы поставки, гарантированность этой поставки и т.д. — все, что экономисты называют транзакционными издержками, — по импортным сделкам будут, несомненно, выше, что во многом объясняется переходностью отечественной экономики, крайней неразвитостью рыночной инфра-

Динамика закупочных цен (1994) в тыс. р. за тонну

Таблица 4

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Московская обл.												
Скот и птица	782	875	803	871	932	932	1030	1024	1102	1240	1493	1768
Молоко	158	191	209	220	234	214	200	207	225	252	350	622
РФ												
Скот и птица	704	772	799	805	859	924	928	917	972	1085	1242	1492
Молоко	122	144	149	149	143	136	132	134	144	167	238	359

Источник: Минсельхозпрод РФ

структуры в продовольственном комплексе. При этом можно даже предположить, что трансакционные издержки по внутрироссийским закупкам сырья будут столь высоки, что закупка по более низким закупочным ценам внутри страны не компенсирует этих издержек.

Однако встает вопрос, почему провинциальные перерабатывающие предприятия, работающие в основном на отечественном сырье, не имеют доступа на московский рынок в полном объеме. Их продукция, полученная из более дешевого сырья, должна была бы достаточно существенно снизить цены, будь рынок полностью монополизированным. Тогда и московские заводы не смогли бы поддерживать собственную конкурентность, ориентируясь на импортное сырье, и, возможно, начали бы, наконец, работать с отечественным сельхозпроизводителем, инвестировать в него, дотягивать его до западных образцов, создавать свою заготовительную

сеть. Все это привело бы к снижению цен на московском продовольственном рынке, чему свидетельство более чем вековой опыт развитых рыночных стран.

Еще один распространенный аргумент в пользу дефицитности отечественного продовольствия на московском рынке — малое количество сделок на оптовой ярмарке. Любой экономист, внимательно анализирующий продовольственный рынок переходного периода, подтвердит, что в условиях инфляции, отсутствия гарантий по сделкам сельхозпроизводители, равно как и покупатели их продукции, предпочитают не заключать долгосрочных контрактов. Кроме того, аграрии уже накопили 2—3-летний опыт по тому, как по заключенным контрактам контрагенты не принимают доставленную продукцию. В этих условиях оптовые ярмарки теряют свое прежнее значение. Попытки заключать контракты с главами областных администраций в вывозящих

Таблица 5
Средние экспортные и импортные цены на ряд продовольственных продуктов. 1994 год

Код	Наименование продукта	Импортные цены за 1 тонну в долларах США
02.02	Говядина (мороженная)	1012,5
02.03	Свинина, св., охл., морож.	1242,8
04.05	Масло животное	1291,9
04.02	Молоко (переработанное)	1848
07.01	Картофель	276,9

Источник: Таможенная статистика

регионах также являются р дивом административной экономики: местные власти не в состоянии даже региональные фонды аккумулировать, не то чтобы гарантировать поставки по межрегиональным договорам. Чтобы обеспечить беспереывное поступление продовольствия, власти ввозящих регионов должны сегодня максимально облегчать доступ непосредственно сельскохозяйственным производителям и предприятиям пищевой промышленности на свой рынок, заинтересовывать их в поставках, стремиться максимально раскрыть этот рынок для всех потенциальных поставщиков.

Понятно, что основную роль в этом должны играть оптовые и мелкооптовые рынки, на которых производители могли бы беспрепятственно продавать свою продукцию. От местных органов власти требуется не только площадка под такой рынок, но и места для парковки машин, для хранения скоропортящейся продукции, жилье для продавцов и, что весьма актуально сегодня, обеспечение личной безопасности торговцев. Московский рынок при указанном выше разрыве в ценах — весьма притягателен для продавцов продовольствия (как непосредственно производителей, так и всякого рода посредников). Только за счет их свободной конкуренции можно добиться падения цен в Москве и других крупных городах.

Ввиду всего выше сказанного, становится ясно, что введение импортных тарифов, их увеличение не может сегодня рассматриваться как мера протекционизма отечественным производителям продовольствия. Да, эти меры безусловно могут повысить цены на московском и других подобных монополизированных рынках, но для российского продовольственного сектора они

не в состоянии увеличить сбыт продукции — Москва как была закрыта для основной массы потенциальных российских поставщиков, так и будет продолжать быть закрытой.

Более того, если правительство действительно преследовало бы цель протекционизма отечественному АПК при увеличении импортных тарифов, то более рационально было бы просто “уронить” рубль на несколько пунктов. “Черный вторник” октября прошлого года сделал для защиты российского сельского хозяйства от импорта гораздо больше, чем ввозные ограничения. Отметим также, что регулирование курсом валюты имеет более всеобщий характер по сравнению с импортными тарифами, так как его нельзя обойти контрабандным путем.

Наконец, нужно также отметить, что ни явление, ни введение импортных тарифов в прошлом году, ни введение НДС в апреле текущего года не привели к обещаемым всплескам цен. Гораздо больше розничные цены реагировали на изменения внутренней конъюнктуры. Например, цены на мясо и мясопродукты в январе этого года выросли на 47 процентов, на молоко и молокопродукты — на 60 процентов, а в апреле, когда был введен НДС на импортное продовольствие, — на 6 и 4 процента соответственно. Аналогично можно предположить, что введение ограничений на перемещение продукции между регионами в связи с Буденновским кризисом вызовет всплеск внутренних цен на ряд продовольственных товаров, особенно на овощи и фрукты. Иначе говоря, ценовые изменения на российском рынке более подвержены изменениям в связи с внутренними процессами, чем под воздействием внешнеторгового регулирования.